

**МАЙЛЗ
и НАЙЛЗ
Кошмарный дуэт**

Глава

1

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОННУЮ ДОЛИНУ —
безмятежный край, где меж одетых зеленью холмов бе-
гут хрустальные ручьи и повсюду, докуда хватает взгляда, па-
сутся коровы. Вот, полюбуйтесь.

Знаете ли вы, что если поставить всех коров Сонной долины одна на другую, этого хватит, чтобы покрыть расстояние до Луны и обратно? (Правда, наверное, так делать не стоит, потому что коровы боятся высоты. К тому же без шлемов им будет нечем дышать.)

В 1836 году в результате ошибки на выборах мэром Сонной долины была избрана корова. (Впоследствии ее избрали на второй срок, поскольку она пользовалась рекордно высокой поддержкой населения.) Статую этой коровы до сих пор можно видеть на главной площади города.

Если целый день простоять рядом с коровой, то услышишь «му» раз сто (или меньше). «Посчитай «му» — популярный вид досуга в Сонной долине.

Вот так-то!

Восхитительное место — Сонная долина, если, конечно, вы любите коров.

Майлз Мерфи коров не любил.

Глава

2

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ЭТО МАЙЛЗ МЕРФИ. Его везут в Сонную долину. Но что за чувства написаны на его лице?

Он хмурится. Он мрачен. Он прижимается лбом к окну и сидит с таким видом, словно хочет просочиться сквозь стекло.

Он беспрестанно вздыхает.

Сегодня он вздохнул уже целых сто раз.

— Ну не надо так вздыхать, Майлз, — увещевала его Джуди Мерфи (она вела машину). — Зато теперь у нас будет собственный дом. А у тебя — большая комната. И двор. Мы все начнем сначала, с чистого листа. Ну, улыбнись!

Но Майлз улыбаться не мог. Ему не хотелось ехать в Сонную долину. Ему не хотелось расставаться с Карлом и Беном — своими друзьями. Ему не хотелось покинуть старую квартиру в розовом доме на берегу океана. Ему не хотелось прощаться со своей комнатой, все четыре стены и потолок которой были обклеены картами, которые он попытался снять, чтобы увезти с собой, однако обнаружил, что приклеил их чересчур крепко и при любой попытке снять их они рвутся в клочья. (Не надо было так хорошо приклеивать.) Ему не хотелось расставаться с магазином Max's Market, в котором всегда были его любимые сладости. И еще ему было жаль лишиться репутации главного

школьного шутника — репутации, которой он добился благодаря острому уму и долгим годам работы в поте лица.

Майлз до последнего надеялся, что автомобиль повернет обратно и они поедут домой. Но они ехали лишь вперед, и вот мимо проплыл дорожный указатель:

Глава

3

БЫЛО УЖЕ ИЗРЯДНО ЗА ПОЛНОЧЬ. Майлз мерил шагами свою новую комнату. Комната была слишком большая. Стены — слишком белые. Повсюду коробки. Ему бы заснуть, но не спалось — комната была не такая, и все тут. И весь дом был не такой. И двор тоже. И вообще, какая разница Майлзу, большие или небольшие они, эти комнаты, и дом, и двор. Никакое это не «с чистого листа». А с самого что ни на есть грязного. Майлз выключил лампу, которую пришлось пока поставить прямо на коробку, и снова лег в постель.

Уснуть он не мог. Раньше за окном у него рокотал прибор, и Майлз привык засыпать под его шум.

Майлз встал и открыл окно. Где-то вдалеке замычала корова.

Раньше у него за окном воздух пахнул морем. Теперь за окном пахло коровами.

День выдался отвратительный, а завтра будет еще хуже. Завтра надо будет идти в новую школу.

Майлз снова лег в постель. Ему было страшно.

Глава

4

МАЙЛЗ ПРОСНУЛСЯ. ЕМУ было страшно.

Он открыл глаза и уставился в белый потолок. Ему снилось, что все случившееся ему только приснилось, и теперь он жалел, что проснулся.

Майлз крепко зажмурился и попытался заснуть, однако внизу на кухне уже хлопотала мама, готовя завтрак. Пахло яйцами. И коровами. А может, здесь даже яйца пахнут коровами.

Майлз съел яичницу. У яичницы был вкус страха. А может, здесь просто все пропахло страхом.

Страх преследовал его на всем пути до Академии точных и гуманитарных наук Сонной долины.

— Мам, а можно мне перескочить этот класс? — спросил Майлз. — Так много кто делает. А я бы тогда целый год работал над проектами. Ты же знаешь, у меня их много. Был бы проектный год!

— Майлз, когда ты перескакиваешь класс, это не значит, что ты весь год сидишь дома. Просто идешь в следующий класс, и все.

— Знаю, мам, но ведь тогда я буду младше всех в классе. Это может плохо сказаться на моем психическом развитии. А вот проектный год был бы в самый раз...

— Ну нет. Никакого проектного года.

— А может, я бы тогда потратил этот год на путешествия? Ты же знаешь, как я хочу посмотреть мир! Между прочим, путешествия — лучший способ учиться.

— Нет.

— А творческий отпуск мне можно? Знаешь, что такое творческий отпуск, мам?

— Да. А ты знаешь, что такое творческий отпуск?

— Это примерно как проектный год.

— Нет.

Автомобиль остановился у школы.

— Ничего не забыл? — спросила Джуди.

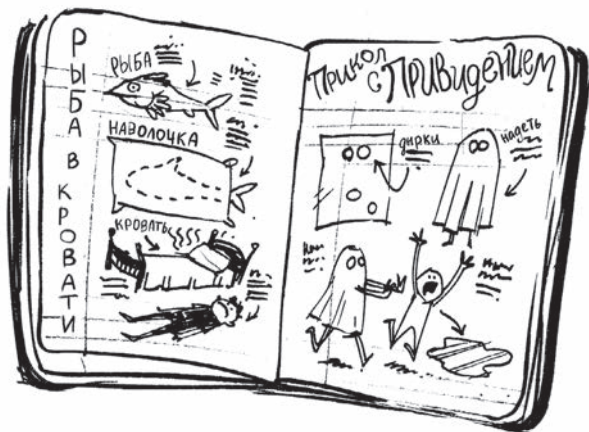

Майлз охлопал себя. Новый рюкзак, новый ланчбокс с завтраком, новая тетрадь на пружинке, новые папки, новая куртка и — самое главное! — старый блокнот с приколами.

Разумеется, снаружи блокнот выглядел весьма уныло (чтобы не вызывать подозрений), но в нем было столько всего захватывающего: чертежи, карты, заметки, планы самых лучших розыгрышей Майлза.

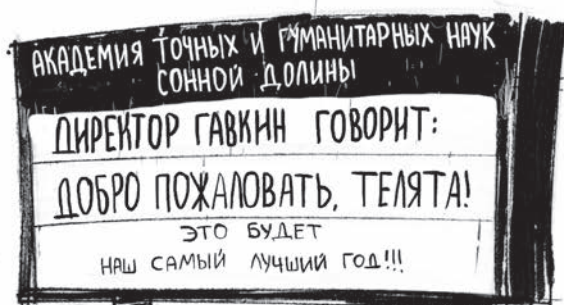
Прикол с привидением. Миссия «Передний зуб». Операция «Тетрадь-утопленник». Все, все было здесь. Две кошки за собаку. Рыба в кровати. Лимонад без сахара. Миссия «Пирог». Все приколы, сделавшие Майлза знаменитым. Кровь из кетчупа. Изюм везде. Операция «Песок в штанах».

В первый день в новой школе, да еще в новом городе, человек сам решает, кем он хочет стать. Можно стать умником или парнем-в-крутых-кроссовках. Можно стать тем, кто знает все о старых автомобилях, или о политике, или о Первой мировой войне. Или тем, у кого в карма-

не всегда лежит бальзам для губ. Шахматистом, баскетболистом, бессменным членом самоуправления. Тем, кто собирает консервы для бездомных. Тем, кто всегда сидит в первом ряду. Или в последнем. Тем, кто тянет руку, даже если не знает ответа. Тем, кому позволяют смотреть фильмы восемнадцать плюс. Тем, кому их смотреть не позволяют, но он врёт, что позволяют, а когда спрашивают, о чем фильм, вспоминает трейлер, а остальное выдумывает. Тем, у кого дома нет телевизора, и приходится вечно проситься в гости, чтобы его посмотреть. В первый день в новой школе можно заговорить с французским акцентом, и тогда все будут думать, что ты приехал из-за границы. Можно принести учительнице подарочек, и тогда тебя ждет слава подлизы. Можно стать тем, у кого всегда самые дорогие ручки и тетрадки. Тем, кто точит карандаш по десять раз за урок. Тем, кто вечно ходит в носках разного цвета. Тем, кто всегда ходит в шортах, хоть в жару, хоть в стужу. Этот день — особенный: ты можешь стать другим человеком и оставаться им хоть до конца жизни.

Однако Майлзу вовсе не хотелось такой славы. Ему вообще не хотелось становиться другим человеком. Ему хотелось быть тем, кем он и так был раньше, а был он шутником. Он был лучшим

шутником своей старой школы за всю историю ее существования и теперь намеревался стать лучшим шутником в новой.

— Пока, мам.

Выйдя из машины, Майлз окинул изучающим взглядом «Академию точных и гуманитарных наук Сонной долины». Академия представляла собой приземистое кирпичное здание, которое и само походило на лежащий плашмя кирпич. Майлз огляделся. Все было до боли знакомо.

Самый обычный козырек над крыльцом.

Самый обычный флаг на самом обычном флагштоке.

Самая обычная стайка школьников.

Самые обычные кусты.

Самые обычные деревья.

Самые обычные двери, намертво перекрытые стоящим на крыльце самым обычным автомобилем.

Стоп. Стоп-стоп-стоп. Майлз присмотрелся.

Подойдя ближе к стайке школьников, он услышал шепотки. Услышал хихиканье. Кто-то даже прыснул от смеха.

— Ой, а там МАШИНА на КРЫЛЬЦЕ, — сказал один из ребят, как будто кто-то мог ее не заметить.

— ЧТО же это ТАКОЕ? — спросил тот же самый школьник. — Нет, ПРАВДА! Вот ЧТО это?

Школьника звали Стюарт. Объяснять ему, что это такое, почему-то никто не стал. (Слишком уж хорошо все знали этого самого Стюарта.)

Майлз почувствовал, как его сердце забилось чаще.

Зазвенел звонок. Звонку вторила противоугонная сигнализация автомобиля.

Никто не шелохнулся.

— Нет, правда, КАК мы теперь попадем в ШКОЛУ? Там же МАШИНА! — и Стюарт истерически разрыдался.

Впервые с момента расставания с домом губы Майлза тронула улыбка. Прикол был хороший.

Тут улыбка сползла с его лица.

Прикол был просто отличный.

Майлз нахмурился.

Значит, в этой школе уже есть свой шутник. И он настоящий мастер своего дела.

Майлз Мерфи ничего не знал о Первой мировой. И носки у него всегда были одинакового цвета. Но главным шутником школы будет он, а если нет — значит, останется только признать себя пустым местом.

Глава

5

ДИРЕКТОР ГАВКИН ПУСТЫМ местом отнюдь не был. Директор Гавкин был директором. Директор Гавкин был директором Академии точных и гуманитарных наук Сонной долины. А еще в этот самый миг он был очень сердитым директором, потому что прямо перед ним было крыльцо, а на крыльце как ни в чем не бывало стоял желтый автомобиль.

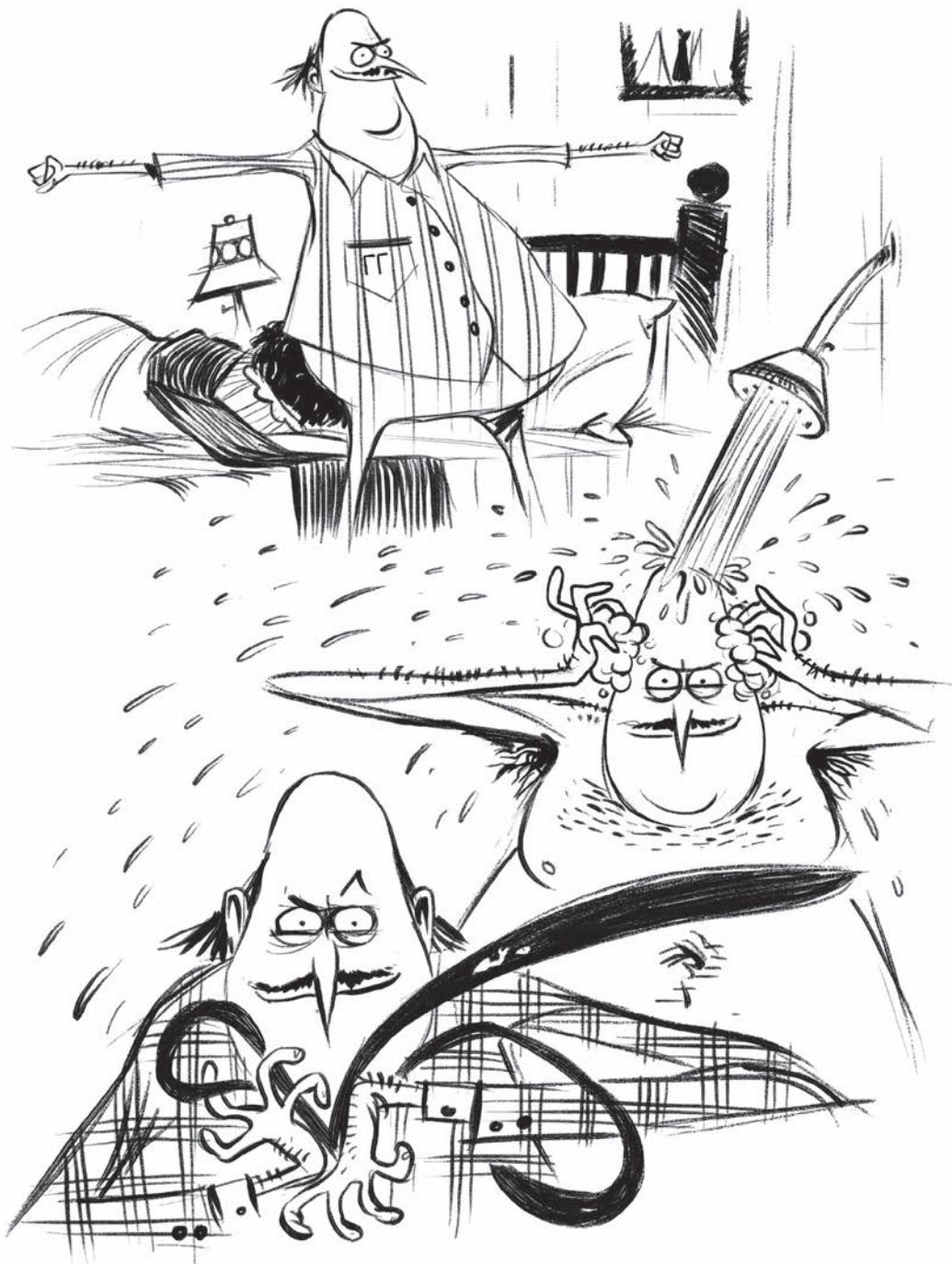
А ведь совсем незадолго до этого директор Гавкин был счастливым человеком. Началось все в 4:44 утра, когда директор Гавкин проснулся, на секунду опередив будильник. На дворе стоял первый день учебного года, и во всей Сонной долине не было человека счастливее, чем директор Гавкин.

Он вскочил с постели.

Первым делом — душ. Две минуты на шампунь, пять — на кондиционер, еще две — на новую песню о школе, сочиненную лично директором.

— Хвала небесам, снова школа! / Школа, школа, школа, школа, школа, школа, школа, школа.

Затем директор выбрал любимый галстук. (На это ушла еще одна минута.) Галстук был ярко-красный, без рисунка. Правда, он был чуточку забрызган горчицей, но главное в нем было не

это, а то, что его цвет (в смысле — красный, а не горчичные брызги) символизировал абсолютную власть. Носи красное! Это девиз президентов. Девиз банкиров. И девиз Гавкина.

На завтрак у Гавкина был тост с овсянкой (изобретение прадедушки директора, которое тот назвал «Гавкин-завтрак»). Еда занимала шесть минут — ровно столько, сколько требовалось директору, чтобы перечитать любимую главу в любимой его книге «Семь директив директорской власти».

Директор Гавкин открыл дверь автомобиля, погрузил свои телеса в кожаные подушки и затемно поехал в школу.

В тот день, как и в любой другой, он был первым на пустой школьной стоянке. Он припарковался на личном парковочном месте. Место было украшено знаком, который директор изготовил собственноручно.

Директор Гавкин вылез из машины, заметил на окне пятнышко грязи и любовно протер стекло кончиком галстука. Окинув взглядом школьное здание, директор удовлетворенно вздохнул и вошел через черный ход.

Директор Гавкин прошествовал в свой кабинет и опустился в кресло. Похрустел пальцами. Заточил карандаш. Склонился над белоснежным листом бумаги и принялся сочинять спич силы, который намеревался произнести на утреннем собрании в честь начала учебного года.

— Я — директор Гавкин, и я — ваш директор, — написал он, но зачеркнул написанное. Сочинять спич силы — дело непростое. Для этого нужна идеальная концентрация. За лето Гавкин как-то подрастерял сноровку. В 6:15 зазвонил телефон. Гавкин схватил трубку и грозно рявкнул:

— Слушаю!

— Здрасьте! Это из магазина «Канцтовары Крокодилло» беспокоят. Мы из Амарилло, штат Техас. Как делишки, как детишки? Слушайте, я чего звоню-то: у меня к вам шикарное предложение насчет закупки скрепок и

всякой прочей канцелярии, степлеров и разного такого. У вас там как со степлерами, а?

— Не мешайте! — рыкнул Гавкин. — Я пишу спич силы!

И директор Гавкин швырнул трубку.

В 6:21 телефон зазвонил снова. Директор Гавкин схватил трубку вверх ногами и закричал в динамик:

— Ну что еще?

Заметив свою оплошность, он перевернул трубку и закричал уже в микрофон:

— Чего надо?

— Доброе утро, сэр, — зачирикала трубка, на сей раз — с британским акцентом. — Как поживают ваши окна? Не запачкались ли? Я представляю компанию «Чистящие средства Ларами» и хочу сообщить вам о грандиозной акции на средства для мытья стекол.

— У меня нет времени! — ответил Гавкин. — Спич силы!

— Вам, должно быть, интересно, каким ветром в Вайоминг занесло англичанина и почему я занялся продажей чистящих средств. Это удивительная история...

— Перезвоните позже!

И Гавкин бросил трубку.

В 6:36 телефон зазвонил снова. Гавкин встал. Он понял, что ему надо сделать.

У каждого директора есть в школе тайное местечко, о кото-

ром не знает никто. Если нужно посидеть в тишине, подумать, без помех заняться написанием спича силы, на помощь приходит заветный уголок. В это убежище и направился директор Гавкин — в секретный закуток, где он царил единолично, в свой замок, в свои уголья, в укрытую от посторонних глаз страну мечтаний и надежд, проще говоря — в кладовку для швабр и всякого такого на втором этаже.

В кладовке Гавкин отодвинул в угол швабру и потянул за

цепочку, чтобы включить свет. Наткнулся на вторую швабру, отодвинул и ее, а сам уселся на перевернутое ведро. И принялся писать. Охваченный вдохновением, Гавкин строчил, позабыв о времени. Через час он очнулся и в 7:38 вышел из кладовки, сжимая в руке самый, наверное, великолепный спич силы за всю историю Академии точных и гуманитарных наук Сонной долины. Тут-то ему и повстречались школьники, сообщившие, что директорский автомобиль каким-то загадочным образом оказался припаркован на школьном крыльце.

